

Новое изданіе Пушкина.

Не повезло величайшему русскому поэту: за цѣлыя шестьдесятъ пять лѣтъ, прошедшія со дня его кончины, все еще не можетъ онъ дожидаться такого изданія своихъ сочиненій, которое было бы достойно его имени или, по крайней мѣрѣ, дало бы читателямъ критически провѣренный и точный текстъ, по возможности, всего, что поэтомъ написано. Извѣстно, что собраніе сочиненій Пушкина, выпущенное вслѣдъ за его смертью, въ 1838—41 гг., было, и въ отношеніи полноты, и въ отношеніи правильности текста, самымъ безобразнымъ. Слѣдовавшее за нимъ изданіе П. В. Анненкова, — первое, въ которомъ къ работѣ надъ подлинными рукописями поэта примѣненъ былъ критическій методъ, много пострадало отъ придирчивости тогдашней цензуры, которая почти ни одной страницы не оставила безъ пропусковъ и искаженій; но все таки, трудъ Анненкова былъ для своего времени большой заслугой и надолго остался образцовымъ; изъ него поучались и обѣими руками черпали позднѣйшіе редакторы пушкинскихъ изданій, не всегда, однако, благодарные своему образцу. Изданіе Анненкова долго сохраняло характеръ первоисточника, такъ какъ рукописи поэта были недоступны изслѣдованію до начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Понятно, что и всѣ вольныя и невольныя ошибки Анненкова неизмѣнно повторялись въ позднѣйшихъ изданіяхъ, вплоть до 1887 года...

Въ 60-хъ гг. книгопродавцемъ Исаковымъ выпущено было два изданія «полнаго» (?) собранія сочиненій Пушкина подъ редакціей Г. Н. Геннади. Оба эти изданія, исполненныя съ большей небрежностью, со множествомъ ошибокъ и опечатокъ, заслужили строгій, но справедливый приговоръ въ извѣстномъ двухстишіи Соболевскаго:

О жертва бѣдная двухъ адовыхъ псади!
Тебя убилъ Дантесъ и издалъ въ свѣтъ
Геннади.

Въ 1880—1882 гг. вышло опять два изданія Пушкина: одно—въ Петербургѣ, другое—въ Москвѣ, подъ редакціей П. А. Ефремова. За невозможностью доступа къ завѣтнымъ пушкинскимъ тетрадамъ, г. Ефремовъ въ существенной части своего редакторскаго труда повторилъ Анненкова, но въ то же время исправилъ и дополнилъ прежній текстъ на основаніи нѣкоторыхъ бывшихъ въ его распоряженіи рукописей и того матеріала, который успѣлъ накопиться въ печати съ конца 50-хъ годовъ. Главнымъ достоинствомъ изданія 1882 г. было то, что здѣсь впервые были собраны письма Пушкина, хотя уже извѣстныя въ печати, но разбросанныя по разнымъ изданіямъ; главнымъ недостаткомъ была небрежность корректуры и слишкомъ произвольная хронологія пушкинскихъ стихотвореній.

Въ началѣ 1880-хъ гг. рукописи Пушкина, такъ долго лежавшія подъ спудомъ, были переданы сыномъ поэта въ московскій Публичный и Румянцевскій

музен, но въ первое время, всетаки, оставались еще недоступными для общаго пользованія, такъ какъ привилегію перваго знакомства съ ними еще сохранялъ за собою редакторъ «Русскаго Архива» П. И. Бартеневъ. Изъ этихъ рукописей онъ и извлекъ нѣсколько неизвѣстныхъ дотолѣ отрывковъ стихотвореній и писемъ Пушкина, и напечаталъ ихъ въ своемъ журналѣ,—какъ потомъ оказалось, очень небрежно и съ крупными ошибками, но неволѣ повторенными и г. Бѣрезовымъ въ изданіи 1882 г. Только въ 1884 г. В. Е. Якушкинъ далъ въ «Русской Старинѣ» подробное описаніе этихъ рукописей,—тетрадь за тетрадью и листъ за листомъ, съ интереснѣйшими выдержками, изъ которыхъ многія заключали въ себѣ цѣлыя откровенія по вопросамъ о содержаніи и хронологіи пушкинскаго творчества. Послѣ г. Якушкина этими рукописями занялся П. О. Морозовъ для редактированнаго имъ изданія литературнаго фонда, въ которомъ впервые явились, на основаніи рукописнаго матеріала, значительныя исправленія и дополненія извѣстнаго до тѣхъ поръ пушкинскаго текста. Наряду съ московскими рукописями, г. Морозовымъ использована была также и небольшая въ тѣ времена коллекція автографовъ Пушкина, находящаяся въ Императорской публичной библіотекѣ. Но работа по изданію литературнаго фонда велась слишкомъ поспѣшно—въ виду необходимости непременно выустить изданіе 29 января 1887 г., въ день пятидесятилѣтія кончины поэта, когда его сочиненія перестали быть частною собственностью; эта поспѣшность и естественное желаніе дать, прежде всего, то новое, что можно было извлечь изъ рукописей, были причиною, что г. Морозовъ,—какъ и было замѣчено рецензентами,—удѣлилъ недостаточно вниманія печатному пушкинскому тексту, не провѣрилъ его по первоизданіямъ, почти совсѣмъ исключилъ изъ своей программы работу надъ вариантами и, къ сожалѣнію, повторилъ нѣкоторыя ошибки прежнихъ издателей. При томъ, какъ оказалось впоследствии, г. Морозовъ не вполне освоился и съ почеркомъ Пушкина, иногда крайне неразборчивымъ, и хотя ему и удалось во многомъ дополнить и исправить чтенія г. Якушкина, но иногда онъ самъ читалъ рукописи ошибочно,—о чемъ еще будетъ рѣчь ниже. Впрочемъ, по полнотѣ и относительной точности изданіе литературнаго фонда и до сихъ поръ остается единственнымъ.

Почти наканунѣ 50-й годовщины смерти поэта, въ засѣданіи Академіи Наукъ 29 декабря 1886 г. было заявлено, что отдѣленіе русскаго языка и словесности постановило приступить къ изготовленію изданія произведеній Пушкина и поручило редакцію этого изданія Л. Н. Майкову. Академія, разумѣется,

располагаетъ всѣми средствами, недоступными для частнаго предпринимателя, сдѣлать свое изданіе во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ; труды академиковъ И. К. Грота надъ сочиненіями Державина и М. И. Сухомлинова—надъ сочиненіями Ломоносова показали, чего можно ожидать отъ первенствующаго ученаго учрежденія въ Россіи по отношенію къ величайшему русскому поэту; понятно, что эти ожиданія были настолько же требовательны, насколько и нетерпѣливы. Терпѣніе испытывалось цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ издатели, наиболѣе добросовѣстные, перепечатывали текстъ и примѣчанія изъ изданія литературнаго фонда, а прочіе находили, что «средній» читатель вполне удовлетворится даже перепечаткой старыхъ ефремовскихъ и геннадіевскихъ собраній... Наконецъ, 26 мая 1899 г., въ союзу годовщину рожденія Пушкина, вышелъ въ свѣтъ огромный первый томъ академическаго изданія, заключающій одни только лицейскія стихотворенія (и то—не всѣ), съ обширнымъ «ученымъ аппаратомъ». Но какъ этотъ «аппаратъ», такъ и самый текстъ стихотвореній въ средѣ специалистовъ вызвалъ немалыя недоумѣнія: критика, даже и не особенно внимательная и зоркая, сразу отмѣтила цѣлый рядъ промаховъ,—конечно, мелкихъ, но все же такихъ, которымъ не мѣсто было въ изданіи академическомъ... Покойный Л. Н. Майковъ, съ свойственнымъ ему прямодушіемъ, созналъ промахи и послѣшилъ ихъ исправить, напечатавъ, вслѣдъ за первымъ изданіемъ I-го тома, второе, исправленное; но и послѣ исправленій, всетаки, осталось въ текстѣ немало досадныхъ ошибокъ, досадныхъ тѣмъ болѣе, что редакція, поставленная въ наилучшія условія труда, какія мыслимы только для Академіи и совершенно недоступны частному издателю, конечно, имѣла полную возможность всѣ эти ошибки устранить...

() дальнѣйшей судьбѣ академическаго предиріятія пока ничего опредѣленнаго неизвѣстно, и вопросъ о томъ, сколь отдаленные потомки наши получаютъ, наконецъ, академическаго Пушкина въ полномъ составѣ, представляется задачей неразрѣшимую, вѣроятно, даже и для самихъ преемниковъ покойнаго Майкова въ его редакторскихъ трудахъ. А между тѣмъ, погребенность въ новомъ изданіи чувствовалась съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе. Изданіе литературнаго фонда успѣло уже обратиться въ библиографическую рѣдкость: да теперь оно уже и устарѣло, такъ какъ за 15 лѣтъ, прошедшія со времени его появленія, напечатана масса новаго матеріала какъ для полнаго собранія сочиненій Пушкина, такъ и для комментарія къ нимъ; въ то же время и коллекція рукописей Императорской пу-

бличной библіотѣки успѣла обогатиться значительнымъ количествомъ драгоценныхъ пушкинскихъ автографовъ, неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ,—стихотвореній, писемъ и пр. Весь этотъ огромный печатный и рукописный матеріалъ настоятельно требуетъ новой обработки въ критическомъ изданіи, не говоря уже о томъ, что въ наше время и самые приемы редакторской работы надъ подобнаго рода изданіемъ должны удовлетворять болѣе строгимъ требованіямъ, чѣмъ прежде. Нѣмецкіе редакторы,—напр., проф. Эльстеръ, подъ наблюденіемъ котораго выходитъ всемірно-извѣстная серія «Meyer's Klassiker»,—показали, какъ слѣдуетъ научно вести это дѣло. Независимо отъ критическаго «аппарата», для русскаго читателя необходимо еще историко-литературный комментарий, сжатый, но по возможности полный, который, не ограничиваясь одними только библіографическими указаніями, по и не впадая въ широкоѣщательность академическихъ примѣчаній, давалъ бы все существенное для правильнаго пониманія произведеній писателя. Здѣсь должна быть изложена исторія каждаго отдѣльнаго произведенія, указано на связь его съ другими, отмѣчены литературныя заимствованія, опредѣлены лица и событія, о которыхъ въ данномъ произведеніи говорится, и т. д. Безъ такого комментарія для неспеціалистовъ весьма многое въ сочиненіяхъ Пушкина пройдетъ незамѣченнымъ или, что гораздо хуже, непонятымъ.

И вотъ, какъ бы отвѣчая указанной нами потребности, одинъ изъ редакторовъ прежнихъ изданій Пушкина, г. Ефремовъ, выступилъ теперь съ новымъ трудомъ: первый томъ «Сочиненій А. С. Пушкина» въ изданіи Суворина, подъ редакціею г. Ефремова, вышелъ въ день лицейской годовщины, 19 октября; вслѣдъ за нимъ появился и второй томъ. Въ виду ожиданій, возбужденныхъ этимъ изданіемъ, на насъ лежитъ обязанность подробно его разсмотрѣть...

А ожиданія были немалыя! Объявленія г. Суворина обѣщали намъ изданіе «вновь провѣренное и дополненное по подлиннымъ рукописямъ», которыми г. Ефремовъ, живя долгіе годы въ Москвѣ, безъ сомнѣнія, имѣлъ полную возможность заняться основательно. Кроме того, отъ г. Ефремова, давно извѣстнаго своими библіографическими трудами, мы въ правѣ были ожидать и особеннаго вниманія къ печатному пушкинскому тексту, и возможно точной хронологіи пушкинскихъ стихотвореній, и, наконецъ, возможно болѣе полноты. Словомъ, въ лицѣ г. Ефремова является передъ публикою редакторъ «авторитетный». Посмотримъ же, насколько оправдывается изданными теперь двумя томами эта «авторитетность» почтеннаго библіографа.

Первый томъ обнимаетъ стихотворенія 1812—1824 гг. Въ предисловіи г. Ефремовъ, обѣщавшій провѣрку текста «по подлиннымъ рукописямъ», не считаетъ нужнымъ подробно указать, какими именно рукописями онъ пользовался для этой провѣрки: здѣсь говорится только о тетради, въ которую Анненковъ когда-то списывалъ съ рукописей, хранящихся нынѣ въ московскомъ музеѣ, о «цѣломъ десяткѣ» подлинныхъ пушкинскихъ листовъ, оставшихся послѣ того же Анненкова, да о нѣкоторыхъ рукописяхъ публичной библіотеки. Вотъ, кажется, и весь рукописный матеріалъ, бывшій въ распоряженіи г. Ефремова: текстъ напечатанныхъ имъ черновыхъ пушкинскихъ набросковъ, а также и устанавливаемая въ изданіи хронологія стихотвореній, съ очевидностью доказываютъ, что «подлинными» рукописями московскаго музея г. Ефремовъ *вовсе не пользовался*, а свѣдѣнія свои почерпнулъ изъ вторыхъ рукъ,—изъ упомянутой анненковской тетради, изъ «Описанія» г. Якушкина и изъ изданія литературнаго фонда. Мало того, при установленіи своей хронологіи г. Ефремовъ не обратилъ вниманія даже на такія данныя, которыя уже извѣстны въ печати и должны были бы побудить его измѣнить порядокъ печатаемыхъ стихотвореній. Чтобы не говорить голословно, мы ниже приведемъ доказательства. Но прежде остановимся на тѣхъ упрекахъ по адресу покойнаго Майкова, которыми наполнена значительная часть предисловія г. Ефремова.

Чтобы дать понятіе объ этихъ упрекахъ, укажемъ на одинъ изъ нихъ. Г. Ефремовъ обвиняетъ Майкова въ томъ, что онъ въ стихотвореніи «Слеза» повторилъ ошибку «Мнемозины», гдѣ это стихотвореніе было впервые напечатано, а именно—напечаталъ: «Охъ!» вмѣсто: «Ахъ!» Но, вѣдь, этотъ самый текстъ «Мнемозины», и съ знаменитымъ «охомъ», былъ въ рукахъ Пушкина, который самъ нанесъ на него поправку: «Гусаръ мой спросилъ», вм. «Мой храбрый спросилъ», а все прочее оставилъ безъ измѣненія; слѣдовательно, мы вправѣ считать этотъ самый текстъ единственно вѣрнымъ, а позднѣйшія пушкинскія поправки въ рукописи музея, какъ недоконченныя, можно только оговорить въ примѣчаніяхъ, а никакъ не вносить въ основной текстъ. Майковъ виноватъ въ томъ, что внесъ ихъ въ текстъ, причемъ, оставаясь послѣдовательнымъ, выбросилъ зачеркнутую въ рукописи 3-ю строфу, хотя и оставилъ въ 5-й слова: «гусаръ, охъ!» въ рукописи зачеркнутыя, но ничѣмъ не замѣненныя. Г. Ефремовъ повторилъ ту же ошибку, т. е. взялъ съ приложеннаго Майковымъ факсимиле «Слезы» всѣ поправки (и не совсѣмъ точно), но при этомъ возстановилъ еще

и зачеркнутую 3-ю строфу: и сдѣлалась Матрена ни павя, ни ворона... Факсимиле вообще обладаютъ свойствомъ вводить въ заблужденія: г. Ефремовъ упрекаетъ Майкова за то, что тотъ напечаталъ: «твоихъ», между тѣмъ какъ въ факсимиле стоить: «своихъ»; но факсимиле воспроизводитъ рукопись, а текстъ Майкова—первопечатный текстъ журнала, гдѣ напечатано стихотвореніе; что же касается рукописнаго варианта: «своихъ», то онъ указанъ на своемъ мѣстѣ, — въ примѣчаніяхъ. Иногда, впрочемъ, г. Ефремовъ и исправляетъ факсимиле; такъ, онъ увѣряетъ, что въ лицейскомъ автографѣ «Пирующихъ студентовъ», въ обращеніи къ Кюхельбекеру, сказано: «Писатель за свои грѣхи!» Между тѣмъ, ни въ рукописи, ни въ снимкѣ никакого восклицательнаго знака нѣтъ, и приписывать Пушкину странную фразу: «писатель за свои грѣхи» только за то, что поэтъ не поставилъ запятой, необходимою послѣ слова «писатель», — не слѣдовало бы. Въ другомъ снимкѣ — съ гротовской рукописи «Пѣсни» г. Ефремовъ усмотрѣлъ руку Иличевскаго, между тѣмъ какъ «Пѣсня» эта переписана покойнымъ Гаевскимъ, и т. д.

Все это, конечно, только мелочи, но довольно характерныя...

Обвинивъ Майкова въ небрежности, г. Ефремовъ, однакоже, безъ всякихъ возраженій принимаетъ хронологическій порядокъ, установленный покойнымъ академикомъ для лицейскихъ стихотвореній, несмотря на то, что точность этого порядка въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе чѣмъ сомнительна. Если бы г. Ефремовъ имѣлъ передъ собою подлинныя музейныя рукописи, то онъ, напримѣръ, легко бы убѣдился, что стихотвореніе «Къ ***» («Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой...») совершенно неправильно отнесено Майковымъ къ 1817 г. Вверху страницы, на которой оно написано, дѣйствительно, есть строчка: «Онъ улетѣлъ, прекрасный день любви» (а не «мигъ любви», какъ напечатано въ академическомъ изданіи) и пометка: «27 ноября 1817»; но эта строчка не имѣетъ никакого отношенія къ самому стихотворенію, подъ которымъ непосредственно подписано: «1819, 8 мая. Я—человѣкъ несвободный». Прибавимъ еще, что тутъ же начинается черныкъ «Платонизма», написаннаго несомнѣнно въ 1819 году. Точно также напрасно г. Ефремовъ повѣрилъ на слово академическому изданію и отнесъ къ 1817 г. стихотвореніе: «Ты правъ, несносенъ Фирсъ ученый» (надо писать: Фирсъ), находящееся посреди набросковъ «Руслана» 1818 г. За предѣлами академическаго изданія, гдѣ г. Ефремовъ могъ вполне самостоятельно распоряжаться хронологіей, она еще болѣе поражаетъ своею небрежностью. Записка къ Жуковскому: «Раевскій, мо-

лоденецъ прежній» отнесена къ 1818 г., между тѣмъ какъ простой справки въ «Остафьевскомъ Архивѣ» (I, 605) достаточно было, чтобы убѣдиться въ томъ, что она написана въ 1819 г., такъ какъ только дѣломъ этого года Вяземскій прислалъ Тургеневу, для Жуковскаго, упомянутую въ запискѣ французскую поѣсть «Борисъ». «Доридѣ» поставлено подъ 1819 г., а «Дорида»—подъ 1820 г., между тѣмъ какъ послѣднее стихотвореніе въ рукописи находится рядомъ съ посланіемъ къ Орлову, написаннымъ несомнѣнно въ 1819 г. Кстати, не было никакой надобности въ подзаглавіи «Доридѣ» ставить: «подражаніе Шенье», потому что никакого подражанія тутъ нѣтъ, а заимствованъ у Шенье, да и то съ передѣлкой, одинъ только послѣдній стихъ: «Et des mots caressants la mollesse enfantine».

Къ 1820 г. отнесена и ода «Вольность», не взирая на то, что о ней говорится уже въ письмѣ Тургенева къ Вяземскому отъ 5 августа 1819 г. По старой рутинѣ, стихотворенія: «О, дѣва роза», «Фонтану» и «Виноградъ» помѣщены также среди произведеній 1820 г. Между тѣмъ, г. Ефремову стоило бы только заглянуть даже не въ рукопись, а въ «Описаніе» Якушкина, чтобы увидѣть, что эти три стихотворенія находятся въ тетради, въ которой нѣтъ ни строчки, написанной ранѣе 1824 г. Но «авторитетный» редакторъ не только не далъ себѣ труда провѣрить сомнительную хронологію, а даже, для пущей, должно быть, убѣдительности, присочинилъ къ «Винограду» помѣту: «Кишиневъ», которой въ рукописи нѣтъ—и быть не можетъ...

Въ выборѣ и расположеніи черновыхъ набросковъ 1820 г. редакторъ новаго изданія, ничгоже сумняся, повторилъ ошибку г. Морозова, уже 15 лѣтъ тому назадъ указанную въ одной изъ рецензій на изданіе литературнаго фонда: первый набросокъ («На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный...») относится не къ 1821 г., а къ 1822 г., а третій («И чувствую, душа моя...»)—находится въ тетради 1829 г. Первое посланіе къ цензору, попрежнему, помѣщено рядомъ съ вгорымъ, въ 1824 г.,—а Пушкинъ еще 6 февраля 1823 г. спрашивалъ о немъ Вяземскаго и самъ включилъ его въ списокъ стихотвореній 1822 г.

Этотъ перечень хронологическихъ неточностей новаго изданія можно было бы еще продолжить, но и изъ приведенныхъ примѣровъ видно, съ какою невнимательностью отнесся г. Ефремовъ къ вопросу о правильномъ размѣщеніи пушкинскихъ стихотвореній.

Не замѣтили мы также особенной внимательности и въ отношеніи къ пушкинскому тексту. Въ ряду лицейскихъ стихотвореній, на примѣръ, пропущены всѣмъ

извѣстныя: «Вишня», «Отъ всенощной вечеръ идя домой...», «Съ позволенія сказать...», но за то помѣщена эпиграмма на никогда небывалаго «профессора Черняка» («чернякъ»—не собственное имя, а школьное прозвище лицейскаго проф. Карцова), написанная, по авторитетному указанію гр. Корфа, не Пушкинымъ, а Иличевскимъ. Далѣе,—въ «Бовѣ» пропущено два стиха, извѣстные изъ автографа:

Прочитала скорымъ шопотомъ
То, что въ вѣкъ не могъ я выучить,

и

Это жестко ей казалось—
За спасибо въ темну яму сѣсть.

Въ посланіи «Моему Аристарху» (стр. 156) повторена опечатка академическихъ изданій: «И не для имени поэта» вмѣсто «То не для имени...». Въ «Безвѣріи» (стр. 281) читаемъ: «Съ усладой бытія несчастный разлучень» вмѣсто позднѣйшей поправки: «Съ отрадой...»; въ отрывкѣ изъ посланія къ Тургеневу (стр. 293)—«Привѣсилъ каммергерскій ключъ» вмѣсто «Привяжешь...»; въ посланіи къ Кривцову (стр. 297)—«Да сохранить тебя въ чужбинѣ...» вмѣсто «Да сохранять...»; въ стихотвореніи «Къ морю» (стр. 505)—писарской вариантъ: «Иль самовласть, иль тиранъ» вмѣсто пушкинскаго: «Иль просвѣщенье...», и мн. др. Изъ этого «многаго другаго», которое здѣсь поставлено вовсе не ради краснаго словца, особенно пострадали черновые наброски, которыхъ г. Ефремовъ не видалъ въ пушкинскихъ подлинныхъ рукописяхъ: почти всѣ они взяты, безъ всякой провѣрки, изъ изданія литературнаго фонда,—и оказалось, что г. Ефремовъ повторилъ всѣ тѣ ошибки, которыя были сдѣланы когда-то г. Морозовымъ. А такихъ ошибокъ набралось довольно много, и онѣ не могли бы остаться безъ исправленія, если бы г. Ефремовъ потрудился дѣйствительно пересмотрѣть для своего изданія музейныя пушкинскія автографы... Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Стр. 311. «Я не рожденъ для дружбы, для заботъ»; въ рукописи: «для забавъ».

Стр. 312. «Но слушай, чувство есть другое»; въ рукописи: «Но знаю чувство я другое».

Тамъ же: «Забуду-ль я улыбку...»; въ рукописи: «Могу-ль забыть».

Стр. 437. Эпиграмма «Составленъ онъ изъ подлой спеси», взятая г. Морозовымъ изъ рукописи Императорской публичной бібліотеки, вѣрнѣе читается такъ:

Мишурный князь, составъ негодной смѣси,
Составленъ онъ изъ подлости и спеси...

Стр. 438, послѣдній стихъ: «Мечтанья неземнаго сна», а въ рукописи: «суетнаго сна».

Стр. 439. «Вотъ муза... которую ты такъ любилъ», а въ рукописи: «столь любилъ».

Стр. 472, начало посланія Вяземско-
му: «И блескомъ, и умою...»—такъ на-
печатано г. Бартевымъ, но въ руко-
писи стоитъ: «И блескомъ колкихъ
словъ»...

Стр. 475: «Въ ней чувства нѣтъ уже».
Послѣднее слово—лишнее.

Тамъ же: «Ужасный опытъ ненави-
жу»; въ рукописи: «Угрюмый».

Стр. 556: посланіе графу О*** спи-
сано, съ прибавкой одного произвольнаго
слова, изъ изданія литературнаго фон-
да, гдѣ нѣкоторые слова остались нера-
зобранными. Такъ, надо читать:

Когда во прахъ мы топтали
Красу Костюшкиныхъ знаменъ...

.
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце пояка,
Не приметъ, гордостью пылая,
Любовь народнаго врага..

Въ концѣ стихотворенія поддаются
прочтенію еще четыре строки, остав-
шіяся неизвѣстными г. Ефремову.

Изъ приведенныхъ примѣровъ (а ихъ
количество можно было бы еще значи-
тельно увеличить) очевидно, что г. Ефре-
мовъ не воспользовался для своего изданія
не только пушкинскими рукописями мос-
ковского музея, безъ изученія которыхъ
немыслимо сколько-нибудь критическое
изданіе Пушкина, но даже и нѣкоторы-
ми изъ рукописей публичной библіотеки,
гдѣ онъ могъ бы найти поправки къ
прежнимъ невѣрнымъ чтеніямъ. Печат-
ный текстъ, какъ мы видѣли выше, изу-
ченъ также недостаточно внимательно.
Хронологія стихотвореній спутана и не
провѣрена не только по рукописнымъ,
но даже по печатнымъ даннымъ.

Такимъ образомъ, передъ нами—изда-
ніе вовсе не критическое, а заурядно-
дилеттантское. И объ этомъ, конечно,
можно только пожалѣть, повторивъ сло-
ва, которыми мы начали эту замѣтку:
не повезло на Руси величайшему рус-
скому поэту. О жертва бѣдная!..

Библиофилъ.

